

18+

Порох
деньги
и
красного
бокала

Эрик
Поладнов

Эрик Поладов

Порох, деньги и красного бокал

«Издательские решения»

Поладов Э.

Порох, деньги и красного бокал / Э. Поладов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939861-1

Иногда несладкая жизнь заставляет человека забыть о букве закона, морали и сострадании. Вопрос в том, как много времени пройдет перед тем, как он вспомнит об этом и вспомнит ли вообще. Перед вами история человека, который не прогнулся под давлением жестоких обстоятельств. Он не верит в то, что судьба заранее предначертана, и поэтому настал тот день, когда он решает переписать её, несмотря на сплошные угрозы, горькую утрату близких и риск потерять то последнее, чем дорожит больше всего на свете.

ISBN 978-5-44-939861-1

© Поладов Э.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
1. ЖИЗНЬ – ФУФЛО	7
2. РОЖДЕНИЕ НА СВЕТ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Порох, деньги и красного бокал

Эрик Поладов

В каждом из нас живёт ангел и демон. С кем из них дружить – выбирать мы не в силах. Окружающие нас обстоятельства сами определяют в чьём облики человек отправится по жизненному пути – демона или ангела.

© Эрик Поладов, 2025

ISBN 978-5-4493-9861-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Он часто задавался этим вопросом. Что ожидает за порогом по ту сторону, где прячется смерть? Видимо, ответ он узнает совсем скоро. Сорок пятый калибр прошил его горло насквозь. Из последних сил он пытается проронить прощальные слова, но вместо фраз изо рта булькает кровь, стекающая по щекам с обеих сторон. Друг – единственный человек, которому не была безразлична его судьба – держит его голову на своих коленях, разрывая собственную плотку в попытке призвать на помощь хоть кого-нибудь.

Уже скоро. Он не видел своих родителей. Встреча с ними грядёт. Тот, кто поддерживает его обвисшую голову, заменил ему семью. За столь недолгую жизнь он определился как минимум с одной вещью – он бы ни за что не стал возвращаться в прошлое, в котором смог бы обрести семью и беззаботное будущее вместо тех преступных дел, которыми пришлось заниматься с детства. Иметь такого друга – вот что является самым большим везением и тем, что с лихвой покрывает моральный ущерб, который наносит жизнь. Он рад тому, что всю жизнь ему довелось провести плечом к плечу с тем, на чьих руках теперь он встречает свою агонию.

Звуки полицейских сирен усиливаются и заглушают скорбный плач друга. Не в силах что-то проронить, он начал отталкивать от себя друга, призывая убежать. Его уже никто не вытащит с того света, и будет глупо попасться в лапы полиции только из-за того, что захотел провести больше времени с полуживым трупом.

Последняя воля исполнена. Единственный близкий человек покинул его. В окружении семи оформленных трупов, горячих гильз и битых стёкол он услышал громкое трение автомобильных шин, тормозящих по асфальту около бордюра. Внутри всё заполнилось мигающими бликами полицейских сирен. Кто-то вошёл, растапывая подошвой хрустящие осколки разбитой вдребезги витрины.

Спустя пару секунд фигура полицейского нашла своё отражение в его покрытых слезами глазах, но не нашла отражения в его разуме. Он переступил порог, за которым его встретила смерть.

1. ЖИЗНЬ – ФУФЛО

Апрель, 1976 г.

– Всем встать. Суд идёт.

Зал судебного заседания заполнили звуки встающих участников процесса и прочих присутствующих. Своё место занял коренастый темнокожий судья среднего роста. Он принялся зачитывать приговор своим твёрдым, ровным голосом:

– Оглашается приговор. Массимо Спинацолла, вы приговариваетесь к двум годам заключения. Учитывая ваш возраст, а также то обстоятельство, что совершённое вами деяние является вашим первым серьёзным правонарушением, судом было принято решение считать данный срок условным. Ввиду этого, я назначаю испытательный срок в один год.

Судья посмотрел в зал и сказал:

– Прошу всех садиться.

Спустя пару секунд, пока без девяти дней восемнадцатилетний Массимо горячо обнимал своего адвоката и, схватившись обеими руками за его щёки, почти выкрикивал: «Мы сделали это», – судья обратился к нему:

– Мистер Спинацолла, я искренне надеюсь, что вы с достоинством отнесётесь к моему снисхождению. Вы совершили серьёзное преступление и могли бы провести долгое время в местах лишения свободы. Ввиду этого, вынесенный приговор можно считать практически оправдательным. Не подведите меня и докажите присутствующим в этом зале, что этот гнусный поступок был не более чем ошибкой, которую вы не повторите.

– Я вас не подведу, сэр... то есть Ваша честь – громко произнёс Массимо в порыве радости, оторвавшись от стула.

Судья почти незаметно покачал головой, выдержал паузу, после чего ударил молотком и громко объявил:

– Заседание объявляется закрытым.

Бодрой походкой в деловом костюме, который смотрелся на нём непривычно и нелепо, Массимо двинулся к выходу в сопровождении адвоката. Он не обратил внимания на недовольную гримасу прокурора, который рассчитывал, хотя бы на небольшой, но реальный срок. Они миновали порог в потоке свидетелей процесса.

Массимо ускорил шаг, обратившись к адвокату:

– Пошли быстрее, а то меня напрягает это царство морали.

Его интересы в суде защищал сорокатрёхлетний адвокат Курт Миллер. Ему было поручено защищать интересы Массимо в суде за счёт государства, так как подросток заявил, что не имеет средств на адвоката.

Сойдя с парадной лестницы здания суда, Курт начал говорить, продолжая идти с Массимо в сторону городского парка:

– Сколько раз говорить, «ВАША ЧЕСТЬ». Никаких сэров, мистеров, чуваков и прочей отсебятины. Пойми, судья оценивает твоё поведение и отсюда делает вывод, стоит ли тебе давать возможность и оставлять на свободе.

– Та ладно тебе – легкомысленно проронил Массимо, разведя руки. – Всё же нормально закончилось.

– На этот раз да.

– А это чё ещё значит? Я не понял. Ты в меня не веришь?

Курт поправил очки с золотистой оправой и начал говорить более серьёзным тоном:

– Ограбление ломбарда тебе почти сошло с рук, но это ещё не значит, что можно браться за старое. Если завтра хотя бы не оплатишь за проезд в метро, у судьи появятся основания сменить условный срок на реальный. Из-за того, что ты отказался сдавать друзей, он мог бы и не проявить жалости. И вообще, прекращай проводить с ними время. Встретишься с ними ещё раз, и они опять тебе что-то предложат. Так что хватит. Обрывай с ними связи. Найди себе работу. Зарабатывай как все нормальные люди. Ты вообще хоть как-то помогаешь тётке?

– Я же под следствием был. Вот сейчас вернусь и попробую найти что-нибудь.

– А вообще есть варианты?

– Есть парочка.

– В случае чего, звони. У меня есть знакомые на бирже труда. Они помогут.

– Спасибо, но я как-нибудь сам.

– Ну смотри.

Курт выдержал паузу и спросил потухшим голосом:

– Кстати, ты узнавал, как там...

Массимо резко поменялся в лице. Облегчение после приговора куда-то испарилось. Лицо приняло кислую гримасу, а в голосе зазвучали ноты печали:

– Да. Мне давали звонить только по одному номеру – лечащему врачу.

– И... что говорят?

– На следующей неделе будут оперировать. Сказали, что шансы невысоки, но в любом случае это лучший вариант, потому что чем дальше, тем больше опухоль. Дней через двадцать она уже будет неоперабельной.

– А если времени в обрез, почему не прооперируют сейчас?

– Та-а-а-а... там очередь на полтора месяца. Так что деваться некуда.

Массимо немного призадумался и сказал:

– Да, Курт. Ты не одолжишь десятку? Мне бы тётю повидать.

– Не вопрос – вежливо ответил Курт. – Это святое.

Адвокат достал из внутреннего кармана пиджака кошелек, вытащил среди купюр десятидолларовую и передал Массимо, сказав:

– И давай, там, найди себе новых друзей. Эти вернут тебя на скамью подсудимых.

– Да. Конечно.

Они попрощались и разошлись в разные стороны. Курт отправился на общественную парковку, а Массимо к ближайшей станции метро. Через три станции он покинул подземку. По пути Массимо остановился у цветочного ларька. Он попросил продавщицу сделать букет из пяти роз алого цвета.

Через десять минут Массимо постучал в дверь больничной палаты. Внутри на койке лежала его сорокасемилетняя тётя Барбара. Она приходилась родной сестрой отцу Массимо. Когда ему было всего пять лет, его родители – Сильвио и Рамона Спинацолла – стали одними из восьмидесяти трёх посетителей кинотеатра, захваченного террористами-смертниками. В тот злополучный вечер Массимо находился под присмотром у тёти, которая жила через четыре автобусные остановки. С тех пор он так и не вернулся в квартиру своих родителей, оставшись на попечении тёти Барбары.

Восемь месяцев назад у Барбары Спинацолла диагностировали рак желудка. После нескольких курсов химиотерапии её состояние так и не улучшилось. Опухоль продолжала увеличиваться в размерах. Спустя шесть недель с момента последнего курса её лечащий врач порекомендовал согласиться на хирургическое вмешательство. Она согласилась без раздумий.

– Массимо? Ну наконец – обессиленно проронила тётя Барбара. Несмотря на пассивность в голосе, её лицо выражало неопишемую радость появлению племянника.

– Привет – сказал Массимо. Он подошёл к тётке, поцеловал её в лоб, после чего аккуратно положил на край кровати букет.

– Вот. Это тебе.

Барбара подтянула голову к цветам, понюхала и произнесла:

– Какие они ароматные. – Она посмотрела на племянника и спросила: – Почему тебя не было столько времени?

Массимо взял стул около стены, поднёс поближе к кровати, сел и ответил:

– Просто нашёл кое-какую подработку. Вот и замотался.

– Подработку? – с подозрением спросила тётя.

– Да. А что тебя удивляет. Мне же надо было на что-то купить цветы. Не мог я заявиться к тебе через столько дней, да ещё и с пустыми руками.

– Ты мой золотой – с улыбкой сказала тётя Барбара.

– Как ты? Сильно болит? – трепетно поинтересовался Массимо.

Тётя Барбара совершила настолько глубокий вдох, насколько хватило сил.

– Медсестра заходит раз по тридцать за день. Во мне столько обезболивающих, что хватит на всю жизнь.

Массимо положил ладонь на руку тёти, подбадривая:

– Но ты не вздумай тухнуть. Доктор сказал, скоро очередь дойдёт до нас.

Тётя Барбара сделала громкий выдох.

– Дай-то Бог. Дай-то Бог.

Массимо просидел у койки ещё почти три часа, после чего ещё раз поцеловал тётю и отправился по обратному маршруту к станции метро.

С одной пересадкой, Массимо ехал сорок две минуты до станции, находившейся в нескольких минутах ходьбы от дома, где была их с тётей квартира.

Они жили в районе, который в городе окрестили особым названием: «Маленький Рим». Этим названием квартал обязан тому, что в нём селились все подряд, как когда-то в Древний Рим на заре его возникновения съезжался всякий сброд, среди которого были иноземцы, беглые рабы, преступники, беженцы, ссыльные. Создавалось впечатление, что и Маленький Рим становился пристанищем для всех желающих без исключения. Квартал более чем на девяносто процентов состоял из иммигрантов и их потомков, каким являлся сам Массимо. В основном здесь жили латиноамериканцы, испанцы, ирландцы, португальцы, французы, немцы и, конечно, итальянцы. Основную часть составляли латиноамериканцы и итальянцы. Редко встречались выходцы из Восточной Европы. Ещё реже в этих местах селились мигранты с Ближнего Востока. Многие среди местных жителей зарабатывали тем, что открывали собственный маленький бизнес. По этой причине на каждой из улиц просматривались десятки газетных ларьков, магазинов одежды, супермаркетов, парикмахерских, мастерских по ремонту техники, баров, закусочных, ломбардов. Ограбления в этом районе перестали быть редкостью, и тот факт, что многие товары находились на виду, поддерживал высокий уровень мелкого воровства. С недавних пор начали появляться точки распространения контрафактного алкоголя и алкоголя элитных марок по заниженной цене, чему способствовал ввоз товара через границу нелегальным путём. С годами стала набирать обороты проституция. По официальной статистике, среди угнанных в Маленьком Риме автомобилей за последние четыре года их законным владельцам сотрудниками полиции было возвращено ноль машин. Каждый угнанный автомобиль не проживает дольше пяти часов, по прошествии которых оказывается разобраным на запчасти в какой-нибудь из местных автомастерских.

Улицу, на которой жили Массимо с тётей Барбарой, постоянно заполняли запахи местных гастрономов, громкие голоса негодующих клиентов, ставших обладателями бракованных товаров, возгласы продавцов, заманивающих покупателей среди прохожих, гул работающих двигателей и сигналы клаксонов проезжающих автомобилей.

Солнце исчезает за горизонтом жилых многоэтажек и улицы Маленького Рима переходят во власть полицейских-взяточников, рэкетиоров, спекулянтов, сутенёров и простого рабочего

класса, трудящегося на благо поддержания годами наработанной коррупционной бюрократической иерархии. Посетители баров тщательно сушат алкогольные запасы заведений. Проститутки выстраиваются ровным строем вдоль бордюра под тенью эстакады. Где-то группа подростков выносит временно оставленную хозяевами квартиру. Кого-то в VIP-комнате ночного клуба раздевает некий шулер с краплёными картами. В том же заведении осмелевший и пребывающий подшофе клиент настойчиво пристаёт к двигающейся в такт эротического блюза пышногрудой стриптизёрше. А где-то пара-тройка десятков крутых героев с ножами, битами и кастетами забили стрелку, на которой для некоторых из её участников летальный исход почти гарантирован. В это же время к чёрному входу ночного клуба подъезжает эскорт, сопровождающий колумбийских производителей веселящего порошка, который ожидает толпа клиентов внутри заведения. Чемодан с кокаином внутри в обмен на чемодан с целыми стопками Бенджаминов Франклинов¹.

Усталыми движениями колен после долгого дня, Массимо прошёл по лестнице своего подъезда, минуя граффити с надписями самого разного содержания:

«Пуэрториканцы рулят!»

«Лукас! Гнида! Верни долг!!!»

«Мануэла шлюха»

«Республиканцы ВПЕРЁД!»

«Лукас! Где бабки!?»

«Демократы дерьмо!»

«Долой генерала Виделу²! Да здравствует президент Перон³!»

«Гадания на кофейные гущи. \$10 за сеанс. Обращаться в квартиру 25»

«Лукас! Чтоб ты сдох!»

«Джинсы 38 размера. Недорого. Квартира 26»

«Здесь был Алессандро».

На третьем этаже Массимо Спинацолла прошёлся по коридору в направлении своей квартиры. На подступах к двери к нему подошёл незнакомый тип средних лет в кожаной куртке. Незнакомец бесконечно работал челюстями над жевательной резинкой.

– Эй, парень? Где тут квартира Лоренцо?

Массимо нарисовал на своём лице гримасу недопонимания.

– Лоренцо? Кто это?

– Один ушлёпок вот такого роста – сказал незнакомец, задержав открытую ладонь на уровне своих ушей. – Почти лысый.

Массимо покачал головой и ответил безразличным тоном:

– Не знаю такого.

Парень несколько секунд оглядывал его с подозрением, после чего направился вниз по лестнице.

Массимо проводил взглядом незнакомца, пока тот не исчез за лестницей, затем вставил ключ в замочную скважину, повернул и дверь отtisнулась от рамы. Поворачивать дверную ручку не возникало нужды, так как язычок в дверном замке не работал уже пару лет. Из-за этого входная дверь всегда была закрыта на ключ.

В момент, когда Массимо потянул дверь на себя, кто-то выходил из соседней квартиры. В коридоре показался паренёк двадцати двух лет. Массимо сочувствующе произнёс, обращаясь к соседу:

¹ Портрет Бенджамина Франклина изображён на купюрах номиналом \$100.

² Хорхе Рафаэль Видела Редондо – аргентинский генерал-лейтенант, предводитель военной хунты в 1970—1980 гг.

³ Мария Эстела Мартинес де Перон – президент Аргентины 1974—1976 гг.

– Съезжал бы ты отсюда, Лоренцо. Рано или поздно, они найдут тебя. Не здесь, так на улице. Ты не можешь всё время сидеть в квартире.

– Пошли они в очко – дрожащим голосом с трудом проронил Лоренцо.

Лоренцо не окончил школу и уже пять лет спекулировал краденной бытовой техникой. Телевизоры, магнитофоны, радиоприёмники, электронные часы, миксеры, электрические печи, кассетные и микрокассетные диктофоны, фотоаппараты. Лоренцо владел старым гаражом в паре километров от дома. Этот гараж представлял собой компактный рынок бытовой техники самых последних моделей. Он брал товар, торговался насчёт суммы, которая причиталась поставщику, затем устанавливал свою цену, продавал и оставлял себе всё, что было сверх цены, которую запросил поставщик. Но алчность – губительное чувство. Не так давно к Лоренцо в гараж обратился очередной клиент. Он притарабанил на продажу пять магнитофонов последних моделей, которые ещё лежали в коробках и оставались не распакованными. Совсем новенькие. Среди них был один видеомагнитофон «Sony» стандарта «Betamax» – настоящая экзотика. Был ещё магнитофон советского производства «Юпитер-Квадро», который, если и попадёт на местный рынок, то только нелегальным путём, из-за чего достать его было нелегко. Такой товар стоил астрономических денег. Переплатить за право обладания такой техникой не хотел, разве что, только сумасшедший. Лоренцо не устоял перед соблазном. Он тайком продал магнитофоны, устроил распродажу на остаток товара в гараже (непроданными оставались только две старенькие электрические печи, чёрно-белый телевизор, холодильник и пара утюгов), собрал деньги и засел у себя в квартире. Он не рассчитался даже с теми, чьи товары ушли с распродажи, поскольку он реализовал их по ценам, в среднем, ниже тех, что запросили поставщики, лишь бы товар не пропал и скорее набить кассу. Когда запахло горелым и недовольные поставщики узнали в каком доме находится его квартира, Лоренцо покинул свою квартиру и обосновался у своей подружки, которая жила на том же самом этаже.

Он стоял в проходе, облачённый в мятую белую майку и синие трикотажные брюки. На шее у Лоренцо сверкала широкая золотая цепочка с увесистым крестом. Ноги у него были босые.

– А тебя не напрягает, что они... – не успел договорить Массимо.

Лоренцо перебил его, но делал это уже немного осмелевшим голосом:

– Да что они могут? Походят сюда день-два, покажут и успокоятся.

После этого Лоренцо достал из кармана пачку сигарет, закурил сам, затем предложил Массимо, но тот отказался. Лоренцо выразил ему уважение за то, что тот не употребляет эту отраву.

Пока Лоренцо выпускал облако табачного дыма, голову Массимо посетила мысль:

– Слушай, не одолжишь десятку? Отдам, как только будет.

Лоренцо резко развернулся, посмотрел внутрь и крикнул:

– Мануэла? Мануэла!?

Из квартиры последовал слабый, едва слышимый голос девушки:

– Чего?

– Принеси мою куртку.

После затяжной паузы она ответила:

– Сейчас.

Ещё через несколько секунд Мануэла спросила:

– С кем ты там разговариваешь?

– Ни с кем – раздражённо ответил Лоренцо.

– Я же слышу чей-то голос.

Лоренцо сказал ещё более недовольным тоном:

– Заткнись и принеси куртку!

Через некоторое время короткими, вялыми шагами к порогу подошла двадцатилетняя Мануэла Пеллегрини – героиня граффити на стенах подъезда. На ней была одета ночнушка или что-то вроде того, глаза сонные, а тёмно-рыжие волосы на её голове растрёпаны. Состояние у неё было полубодрое, если это вообще можно было назвать бодростью. С её правой руки свисала кожаная куртка Лоренцо, манжет которой тёрся по полу.

Он подобрал свою шмотку, посмотрел на застывшее тело Мануэлы и сказал:

– Ты чего-то ждёшь?

С каменным лицом она молча развернулась и ноги поволокли её обратно в квартиру.

Лоренцо шлёпнул ладонью по ягодице Мануэлы со словами:

– Лучше подготовь свою попку. Я скоро приду.

Лоренцо вытащил из внутреннего кармана стопку купюр настолько толстую, какую Массимо встречал только в кино. Он достал из стопки две десятидолларовые купюры и протянул Массимо. Тот взял, но не успел открыть рот, когда Лоренцо добавил:

– Можешь не возвращать. Это за то, что не сдал меня.

Массимо обратился к нему незамедлительно:

– Спасибо. Но, знаешь, всё же подумай над моими словами. Хотя бы обзаведись чем-нибудь для самообороны.

Лоренцо медленно доставал из зажатых губ сигарету, сохраняя задумчивый взгляд.

– Кстати, это мысль.

После этих слов Лоренцо ударил ладонью по плечу Массимо, после чего тот добавил:

– Когда я заходил в дом, через дорогу сидел какой-то подозрительный тип и внимательно следил за нашим крыльцом. Он явно неместный.

– Отлично. Когда его увидишь в следующий раз, скажи, что Лоренцо просил передать: «Пошёл в жопу». А теперь извини, друг. Я собираюсь послать вон в ту жопу часть себя – сказал Лоренцо, указывая на Мануэлу в дальней комнате.

После своей пылкой речи спекулянт хлопнул входной дверью, а перед этим сказал, указав пальцем на костюм Массимо:

– Чумовой прикид.

Массимо перешагнул через порог своей квартиры. Он прижал дверь к раме и повернул ключ, оставив его в замочной скважине. Это была двухкомнатная квартира, которую когда-то обставили лишь самым необходимым. Из бытовой техники были только холодильник шестидесяти пятого года производства, подержанный чёрно-белый телевизор и неработающая стиральная машина. В спальне тёти Барбары находились кровать, рядом – тумба со светильником, и небольшой гардероб с зеркалом на дверце.

Массимо всегда спал на диване в гостиной.

Он перешагнул через порог и первые мысли в его голове были связаны с тем, что здесь давненько не убирались. Тётя Барбара уже порядочное время находится в больнице, а Массимо пришлось задержаться в компании представителей судебной системы. Но сил у него едва оставалось, чтобы доползти до дивана и с невероятным блаженством откинуться на его мягкую обивку.

Массимо разбудил звонок в дверь. Он обратил свой сонный взор за окно. Время уже перевалило за сумерки. Протирая ладонями лицо, он двинулся в сторону входной двери. Раздался второй звонок. Массимо ухватился за ключ, провернул два раза и потянул за ручку.

На пороге стояли Хорхе Гомес и Пабло Инзаги. Мексиканец и итальянец, обоим по восемнадцать. С ними Массимо связывала дерзкая дружба с того самого момента, как его приютила тётя. Пабло и Хорхе стали первыми, с кем Массимо познакомился, поселившись в новом доме. В любой разборке они участвовали вместе. Если один во что-то вляпался, то это прямо касалось всех троих, поэтому они получали синяки также, как и отвечивали своим обидчикам – все дружно. Каждый день они проводили вместе за каким-нибудь занятием.

Поэтому неудивительно, что на каждого из них два друга оказали больше влияния, чем дом и семья. Жизненные взгляды и принципы совпадали, и характер у них мало чем отличался, особенно у Массимо и Пабло. Каждый негодовал отсутствием справедливости: кому-то достаётся всё, а остальным – ничего. Они сходились во мнении, что если ты принадлежишь нижнему классу общества, до которого властям нет никакого дела, то мораль и нравственность имеют право быть пересмотрены в одностороннем порядке. Теперь ТЫ решаешь, что правильно, а что нет; что хорошо, что плохо. Основания для такой жизненной позиции казались боле чем вескими: раз кто-то наверху решил, что людей справедливо делить на первый и второй сорт, то пусть эти политики подотрутся своими указами и конституцией. Второй сорт будет жить по собственным законам, раз общие гражданские права на них не распространяются.

Среди них лишь Хорхе имел полноценную семью и обладал не столь взрывным нравом, поддаваясь абсолютному влиянию со стороны Массимо и Пабло. Он жил в типичном семействе мексиканских иммигрантов. Помимо него в семье были ещё четыре ребёнка: два брата и две сестры. Но, как это бывает обычно, жизнь иммигрантов была крайне трудной. Тяжёлый физический труд был низкооплачиваемым и сильно изматывал. Так что бедность была неминуема. Родителям Хорхе пришлось особенно тяжело. Отцу приходилось успевать на нескольких работах, чтобы прокормить пятерых детей. Лишь позднее, когда старший сын начал интересоваться автомобилями и целыми днями застревал в автосервисе, который находился через дорогу, в семье появился автомобиль. Брат Хорхе выкупил по дешёвке разбитый седан и начал ремонтировать, меняя повреждённые детали на те, что попадались в старых автомобилях, которые привозили в сервис в качестве металлолома. Старшему брату помогал Хорхе, что значительно ускорило процесс. Когда ласточка была доведена до ума, отец семейства растрогался от того подарка, который получил на день рождения. Старенький крашенный кузов на ходу. Это было невероятное событие для семьи Серхио Гомеса. Хорхе хоть и помогал своему брату собирать машину и наблюдал за его работой, всё же он так и не смог разобраться во всей этой механике. Он хотел найти что попроще. Этим кое-чем оказался жёлтый фермерский пикап, который он угнал и сдал на разборку в первый автосервис, попавшийся ему на глаза в Маленьком Риме. Пикап оказался старенький и заплатили за него не так много, но и этого было более чем достаточно для резкого роста самооценки и для того, чтобы Хорхе почувствовал, что он уже может сам о себе позаботиться.

Пабло вырос в приюте, из которого сбежал, когда ему едва исполнилось шестнадцать. Именно тогда он совершил первое ограбление. Незадолго до этого он впервые попробовал алкоголь. Случилось это, когда он устроился работать в один из баров. Он разносил заказы, вытирал пыль, мыл полы и посуду. Пахал в поте лица, из-за чего окончательно забил на школу, сбегая из приюта рано утром и возвращаясь ближе к полуночи. Находясь в окружении наркодилеров, барыг, сутенёров, контрабандистов и прочей элиты Маленького Рима, которых встречалось немало среди посетителей, он наслышался достаточно историй о том, как легко порой достаются большие деньги. В один из дней он твёрдо решил пойти на что-нибудь громкое и рискованное. Утром он сел в вагон метро. Это был самый час пик. Его худое и невысокое тело легко протискивалось между стоячими пассажирами. Глаза бегали по сторонам и вскоре нашли жертву. Ею стал мужчина среднего роста, лет сорока пяти на вид. Он носил деловой костюм, галстук, идеально начищенные ботинки и солидные с виду часы на запястье. Всё это говорило о его высоком материальном обеспечении. А ещё об этом говорила кожаная борсетка, которую мужчина держал под мышкой. Пабло дождался, когда мужик доедет до своей станции и начнёт выходить из поезда, растворяясь в шумном потоке пассажиров на перроне. Когда жертва начала подходить к эскалатору, Пабло ускорил шаг и, не доходя до мужчины, вырвал борсетку из-за спины и умчался в обратном направлении. Обворованный незнакомец с негодующими воплями побежал следом, выкрикивая: «Держите! Вор!». Кто-то из толпы схватил Пабло за футболку. Пабло зарядил с ноги в пах и продолжил литься. На станции было объяв-

лено: «Осторожно. Двери закрываются». До вагона оставались считанные метры. Пабло подпрыгнул, преодолевая остатки пути и нырнул в вагон. Бывший владелец борсетки громко ударил ладонями по стёклам в дверях, и на этом всё закончилось. Поезд тронулся. Пабло сошёл через несколько остановок. В борсетке он нашёл достаточно денег для того, чтобы снять комнату и ещё какое-то время жить на зарплату, которую платили в баре. Он не видел повода возвращаться в приют. Так стартовала его взрослая жизнь. Спустя некоторое время они с Массимо и Хорхе провернули несколько стоящих дел, после которых Пабло ушёл с работы и окончательно почувствовал себя свободным.

– МАССИМО!!! – громко и одновременно в полный голос прокричали Хорхе с Пабло. По очереди они поздоровались с Массимо и крепко обняли. Сам Массимо от такой встречи моментально проснулся. Он пригласил друзей внутрь.

Пабло сделал несколько шагов внутрь, после чего обернулся, развёл руки и недоумевающе произнёс:

– Чё за шмотки? Ты что, косишь под губернатора?

Ещё не успев отойти от радости столь неожиданной встрече, Массимо пропустил эту фразу мимо ушей. За него ответил Хорхе из дальнего конца коридора:

– Он же не на зону отправился, так что может носить что угодно: хоть тогу, хоть шпильки. Ему можно.

– И то верно – податливо согласился Пабло. – Но только без шпилек. Мы же не голубых кровей.

Массимо позвал друзей на кухню, застыл на некоторое время в томительных размышлениях и всё-таки спросил:

– Вы не блеванёте от кофе в этом сраче? Не успел ещё прибраться.

– Та нет. Наливай – восторженно продолжал Пабло. – У меня у самого сейчас такой срач в голове, что не знаю о чём спросить.

– Ну, что там тебе сказали эти говножоры? – спросил Хорхе.

Массимо насыпал в джезvu молотый кофе, параллельно рассказывая:

– Два года условия и один испытательного. Судья сделал поблажку на то, что это мой первый косяк. Точнее это первый раз, когда меня застукали мусора.

– Ёб твою... – буркнул Хорхе. – А у меня это был бы уже третий привод.

Пабло продолжил, слегка посмеиваясь:

– А у меня четвёртый. Сосунки.

– Ты победил – саркастично ответил Хорхе.

Массимо вдруг замер посреди кухни. Несколько секунд безмолвия сменились вялой репликой:

– Блин. Я сейчас.

Он оглянул себя, вспомнив, что на нём надет костюм и отправился переодеваться в домашнее.

Массимо вернулся в то время, когда Пабло подобрал джезvu с плиты, а Хорхе доставал и раскладывал по столу чашки.

Они уселись по разные стороны небольшого квадратного стола, который одной стороной прилегал к стене.

После недолгой ходьбы по квартире, Массимо выглядел чуть более проснувшимся. Это было заметно даже по его голосу:

– Ну что, рассказывайте. Что тут нового произошло, пока меня не было?

Пабло с Хорхе обменялись взглядами. Пабло начал:

– Что нового? Открыли новую заправку возле эстакады. В мастерской за нашим домом разобрали «роллс-ройс». У боливийца-пекаря на углу, говорят, дочка залетела.

– Да ну? – выдал Массимо. – Это та, сиськастая?

– Да. Старшая.

– И чё, кто постарался?

– Да хрен его... Она под столько стелилась, что, наверное, сама не знает, чьё богатство вынашивает.

Хорхе добавил:

– Марчелло на травку подсел.

– Молочник?

Хорхе пару раз кивнул, делая глоток кофе.

– Иду я вчера в аптеку. Вижу, стоит возле служебного входа. Смотрю, из-за него какой-то дым выходит. Подошёл, а у него в руке самокрутка, как мой фаллос.

По квартире раздался хохот.

Смех немного притих.

– Тш-ш... – издал Пабло, приставив к губам палец.

Он некоторое время прислушивался, затем подобрал со столешницы пустой стакан, приложил к стене и подставил к донышку ухо.

– Чё там? – в нетерпении спросил Хорхе.

На лице Пабло стала медленно вырисовываться довольная улыбка. Он начал говорить прерывистыми фразами, продолжая вслушиваться в звуки, исходившие по ту сторону стены:

– Кого-то от души долбят... Вот это стоны... Горячая бабёнка...

Хорхе, было, хотел взять второй стакан и присоединиться, но остановился после того, как Пабло сказал:

– По ходу финиш.

– Кто первый? – любопытство не отпускало Хорхе.

– Чувак застонал. Да, он опередил.

Пабло вернулся к столу, спрашивая Массимо:

– Там всегда так жарко?

– Каждый день.

– Весёлые у тебя соседи.

После того как кофе в чашках закончился, а вместе с ним и разговоры о последних новостях, Хорхе обратился к Массимо:

– Слушай, только благодаря тебе мы не в обезьяннике, а ты, наоборот, из-за нас вляпался в такое дерьмо.

Пабло продолжил:

– Да. Ты уж извиняй. Наш косяк. Надо было уходить с кассой. А нас зачем-то ещё на сейф понесло.

Пабло вытащил из заднего кармана свёрток.

– Мы тут, в общем, решили не делить всё на равные части. Всего было 1 940. Мы с Хорхе оставили себе по 420; перед этим сотню передали лечащему врачу тёти Барбары, чтобы они на пару месяцев передвинули очередь на операцию. Сказали, что только на два, раньше никак. А это остальное – сказал Пабло, поставив перед Массимо оставшиеся деньги.

Массимо приложил руку к стопке купюр и оттолкнул её в центр стола.

– Эй-эй! Ты что творишь? – едва ли не прокричал Хорхе.

– Короче... в общем, я даже не подозревал, что вы как-то помогли с тётей. Так что этот ваш поступок мне дороже денег.

– Да это само собой. Ты просто заberi своё. Ты же без средств.

После долгих убеждений друзей Массимо проронил:

– Слушайте, парни, я возьму только при одном условии. Я не смогу вам помогать, пока испытательный срок не истечёт. Пройдёт годик и можете на меня рассчитывать.

Последнюю фразу Массимо произнёс твёрдо, решительно и с энтузиазмом.

Пабло негодуяще заговорил:

– Естественно. Забей ты. Мы сами как-нибудь. Годик протянем. Ты просто возьми. Главное, как только начнут заканчиваться, ты дай знать, и мы ещё подкинем. А вообще, скажешь или нет, всё равно будем подкидывать при первой же возможности. Своих не бросим.

– Спасибо, парни. Я не забуду.

Хорхе возразил:

– А ты забудь. Это приказ!

Кухню заполнил смех.

Они покинули квартиру и весь вечер допоздна провели в баре под названием «Красного бокал». Владельцем был коренастый сорокадвухлетний кубинец по имени Мурильо, с которым у Массимо были особые отношения. Он часто заруливал в заведение и занимал место за барной стойкой, где они с Мурильо разговаривали по душам. Так было с раннего детства. С восьми лет Массимо был особым клиентом в баре. Тут Мурильо постоянно угощал его газировкой или фруктовым коктейлем. Если Массимо брался выполнять какое-то поручение, относил заказ на дом, бегал в бакалею за очередной упаковкой салфеток, помогал собирать пустые бутылки со столов, Мурильо щедро платил ему за это, кормил гамбургером или хот-догом, и вдобавок предлагал бесплатно выбрать любой напиток. Бар находился в полуквартале от дома Массимо. По вечерам и в выходные в заведении всегда ошивалось много клиентов, а днём это было тихое и спокойное местечко, время, когда можно посидеть за столиком с тарелкой жаренной курочки, с картошкой и полным бокалом пива или кока-колы. А вот вечером в расход идут водка, вино, ром, виски, коньяк и прочий алкоголь, столь активно приближающий момент расставания мозга с остальным телом.

К утру Массимо выспался и для него начался весьма нетипичный день. Первым делом он решил прибраться в квартире. В отсутствии тёти внутри царил бардак вселенского масштаба. Он вымыл полы, протёр пыль везде, где она могла скопиться, собрал и вынес мусор, вымыл посуду, выстирал и разложил по местам кое-какую одежду. Вскоре его настигла мысль, что впредь он ни за что не станет стирать вручную. Такое решение подогревала и сумма, которую передали Хорхе с Пабло.

Массимо отправился к двери соседней квартиры. После первого звонка дверь открыл Лоренцо. В одной руке у него было яблоко, а в другой – короткоствольный револьвер.

И всё же он последовал совету Массимо.

– Привет.

Зажав надкусанное несколько раз яблоко в зубах, Лоренцо засунул револьвер за спину в джинсы, протянул руку и произнёс, вынув яблоко изо рта:

– Салют.

Без промедлений, Массимо перешёл к делу:

– Слушай, Лоренцо, я знаю, ты уже не торгуешь, но может подскажешь, где можно недорого обзавестись стиралкой?

– Пять сек.

Лоренцо отошёл куда-то вглубь квартиры. Он вернулся через полминуты с листком, передавая который, произнёс:

– Вот. Позвони по этому номеру. Спросишь Анхеля. Гнида первостатейная, но со стиралкой поможет.

– Да? А что он сделал?

– В смысле?

– Ну, ты сказал он гнида.

Продолжая стоять в проходе, Лоренцо сказал, махнув рукой:

– Да так. Не заморачивайся. Бывший конкурент.

Из квартиры раздался голос Мануэлы:

– С кем ты там говоришь?

– Ладно – сказал Лоренцо. – Извини, там у меня ЧП.

– Спасибо – сказал на прощание Массимо, после чего услышал громкий голос Лоренцо ещё до того, как тот закрыл дверь:

– Сколько ещё повторять!? Заткнись и снимай трусы!

В течение дня к Массимо в квартиру привезли подержанную стиральную машину, но в очень хорошем состоянии. Рабочие оказали бесплатную услугу по подключению к канализации и водопроводу. Сам Анхель оказался не такой уж и гнидой. Он предложил Массимо продать неисправную стиралку на запчасти за десять процентов от стоимости той, что он привёз. Массимо согласился не раздумывая. За пару заходов он выстирал всё грязное бельё.

Ближе к вечеру квартира обрела сносный вид. Массимо посетил бакалейную лавку и отоварился на неделю вперёд.

На протяжении недели он ежедневно ездил в больницу. Каждый день он относил тёте Барбаре клубничное мороженное с арахисовой россыпью, которое она любила больше всего. По вечерам к нему в гости заваливались Хорхе с Пабло. Следуя некоему ритуалу, они неизменно и по установленному графику отправлялись куролесить по местным широтам. На выходных Хорхе занимал отцовский «фольксваген» и у них появлялась возможность выбираться за пределы Маленького Рима, чтобы колесить по другим районам города.

На девятый день после суда у Массимо был день рождения. В кондитерской лавке он купил небольшой торт, с которым отправился навещать тётю. К семи часам на пороге квартиры появились Пабло с Хорхе. С самого начала прогремели фанфары, после чего с поздравительными словами Пабло пожал руку имениннику, протиснув ему в ладонь три бумажки по \$100. Хорхе подарил мраморную копилку в форме Иисуса с крышкой в донышке. Позднее Массимо нашёл под крышкой ещё три сотни.

День рождения прошёл. Наутро Массимо приводил себя в порядок, собираясь в больницу. На девять часов у тёти была назначена операция. Он уже планировал уходить, как кто-то позвонил в дверь. Массимо сделал два оборота ключом и оттянул дверь наружу. Перед ним стоял Пабло. Его футболка была запачкана свежей кровью. Это была кровь Хорхе, которого он с трудом тащил на себе, удерживая руку на шее. Он волочил его три этажа по лестнице и неизвестно сколько ещё до дома.

В спешке Массимо помог затащить Хорхе внутрь, после чего захлопнул дверь.

Хорхе лежал на диване, скорчившись от боли в открытом ранении, оставленном от двадцать пятого калибра в левом плече.

– Что случилось!? – спросил Массимо, чувствуя, как сердце в груди начинает бить по рёбрам.

Квартиру наполняли громкие, болезненные стоны Хорхе.

Со сбивающимся дыханием Пабло ответил:

– Его... его отца вчера ограбили, когда он ехал с работы. Мы... узнали, что за тварь была... Поймали его и начали прессовать. Кто ж знал, что у этой СУКИ ствол!

– А где это было?

– В трёх кварталах отсюда.

Массимо смотрел на скрючившегося от боли Хорхе и спросил, разведя руки:

– А как ты его дотащил-то?

– Эта мразь угнала и машину. Мы её забрали. СУКА! Мы же думали, вернём её отцу!

Массимо ненадолго замер. Его лицо застыло, сохранив на себе гримасу страха. В следующем вопросе его голос звучал пугающе настороженно:

– И где же она сейчас?

Ответ Пабло последовал без промедлений:

– У подъезда.

Массимо протёр ладонями лицо, но всё же смог выйти из оцепенения. Первым делом он бросился доставать бинты и спирт. На время обработки раны стоны Хорхе чуть усилились. Нащупав отверстие с обратной стороны, Массимо убедился, что пуля прошла навывлет. Он залепил на скорую руку оба отверстия пароизоляционным скотчем в несколько слоёв.

– Мусора не застукали? – спросил Массимо.

Пабло ответил, всё ещё пребывая в охватившем тело шоке:

– Никаких мусоров. Но эта тварь отжала у кого-то машину и погналась за нами.

Массимо никак не реагировал на слова Пабло, пока не бросил взгляд на пол. Его глаза бегали по простирающемуся следу размазанной по полу крови, который был виден с самого порога. Массимо рванул к выходу и выглянул в коридор. Несколько секунд безмолвия сменились звуком захлопнувшейся двери. Он зашёл на кухню, достал из выдвижного ящика нож, затем отправился к Пабло.

– Как он выглядит?

Пабло сидел на полу, прислонившись спиной к дивану. Некоторое время с напряжением он осматривал клинок, зажатый в руке Массимо, а затем, сглотнув комок слюны, проронил:

– Я с тобой. Одного не пущу.

Стоило Пабло оторваться от пола, как Массимо надавил руками на его плечи со словами:

– Он видел тебя. А меня знать не знает.

Пабло уговаривать долго не пришлось. Он рассказал Массимо о чёрной густой бороде приличной длины, коротких волосах, красно-белой рубашке в клетку и стеклянном глазе. Он достал из-за пояса пистолет «Макарова».

Массимо сказал, отрицательно покачав головой:

– Оставь у себя.

Массимо вышел за порог, заранее попросив Пабло закрыться изнутри. По всему коридору просматривались капли крови. Из жильцов никого не было. Где-то на лестнице послышались чьи-то шаги. Через несколько секунд нарисовалась фигура мексиканца, живущего этажом выше. Он поднимался к себе. Массимо провёл его взглядом и двинулся к лестнице, прижав клинок к внутренней стороне предплечья. На подступах к лестнице он заметил следы крови на ступеньках. Его ноги миновали последнюю ступеньку ко второму этажу. Пусто. Откуда-то снизу доносился чей-то знакомый голос:

– Спасибо.

Послышался звук захлопнувшейся двери.

Массимо продолжил спускаться неторопливыми шагами. После того как первая половина лестницы между этажами оказалась позади, перед ним начал восхождение незнакомец по имени, но знакомый по внешности. Это был человек со стеклянным глазом. Другим – родным глазом – он всматривался в багровые следы на ступеньках, следуя по ним. На вид ему было около сорока. Заметив идущего ему навстречу паренька, он несколько секунд, не отводя глаза, осматривал Массимо. Взгляд был наглым и вызывал скверные ощущения внутри. Одну руку он держал близко к спине, а другая болталась в естественном положении.

Сблизившись с мужиком на полметра, Массимо обратился к нему:

– Закурить не найдётся?

Мужик сильным движением приложил своей волосатой рукой к плечу Массимо. Ладонью он оттолкнул его с приличной силой. Массимо ощутимо развернуло этим толчком. Ещё немного и он стукнулся бы спиной о стену. Он заметил, насколько плотно рука незнакомца приставлена к верхней части бедра, а рядом за джинсами выпячивает рукоять пистолета.

Это был подходящий момент. Массимо развернул рукоять ножа в своей ладони. Мужик уже находился на семь ступеней выше него. Удобная высота. Очень удобная. Размашистым движением кончиком лезвия Массимо разрезал ахиллово сухожилие, сразу после чего мужик замер на месте. Массимо воспользовался этим и всадил широкий клинок в заднюю поверх-

ность бедра. Свободной рукой он успел вытащить пистолет из-за спины. Мужик завопил во всю силу, по максимуму раздвигая свои челюсти и обнажая зубы. Массимо подкрался из-за спины, спешно выдернул пистолет из руки и прикрыл его рот, дабы приглушить крик. Он вытащил клинок из правого бедра и резко приложил лезвие к шее незнакомца. Покрытая кровью сталь начала скольжение по коже и врослась глубоко в горло, рассекая артерии. Первые несколько секунд брызги разлетались по сторонам, попадая на стену и перила. Из щели хлынул обильный багровый ручей. Кровь стекалась по ступенькам.

Рефлекторно Массимо оттолкнул от себя незнакомца, который упорно отказывался падать, цепляясь за перила. Массимо подхватил его за ногу и перекинул через перила. Незнакомец миновал лестничный пролёт, столкнувшись с плиткой в конце пути, в результате чего хлесткие кровавые брызги расплескались на несколько метров вокруг.

Массимо в спешке рванул обратно, но вскоре застрял на месте, вспомнив о пистолете, на котором были его отпечатки. Он стал возвращаться и остановился за несколько метров до места, где лежал ствол. Кто-то вышел в коридор и закричал что-то нецензурное, а затем добавил:

– Лола! Звони в полицию!

По топоту стало понятно, что крикнувший побежал вниз по лестнице, откуда доносились свежие крики, ещё более истерические.

Пользуясь случаем, Массимо выскочил, подобрал пистолет и бегом перебирал ступеньки, возвращаясь в квартиру.

Добежав до двери, он хотел постучать изо всех сил, но вспомнил о запачканных кровью руках. Он прижал кнопку звонка подбородком. Дверь открыл Пабло. Массимо пулей вбежал на кухню, бросил нож в раковину, затем дёрнул в ванную. Там он отыскал тряпку, обильно промокнул и побежал в коридор смывать следы крови, оставленные от раны Хорхе, которые вели к его квартире.

Это было огромное везение. В коридоре за эти полминуты никто так и не появился.

Массимо вернулся в квартиру. Пабло запер дверь и поспешил к Хорхе, который что-то пытался проронить сквозь неутраченные стоны.

Кисти его рук свисали над ванной. Капли крови стекали с пальцев на дно, растворяясь в слабом потоке воды. Массимо кое-как смочил руки под краном, из-под которого вода стекала в ванну, направляясь к канализационному отверстию. Руки тряслись. Губы и подбородок дрожали. Он сжал веки и задержал дыхание в попытке сбить пульс, подавить всплеск адреналина, усмирить дрожь своих конечностей. От бессилия Массимо рухнул на плитку, прижавшись спиной к стене. Кровь всё ещё разгонялась по телу, сердце рвалось наружу, а мысли путались.

В гостиной зазвонил телефон. Массимо расслышал звонок лишь с шестого раза. Он подошёл к тумбе, вытер о футболку руки и снял трубку. На чей-то вопрос с другого конца провода, Массимо ответил дрожащим голосом:

– Д... да.

Больше он не произнёс ни звука. Его глаза, уставленные куда-то в стену, сохраняли своё положение, и лишь веки постепенно задёргались, с каждой секундой опускаясь всё ниже и ниже. Уголки рта максимально расширились. Массимо оскалил зубы, веки сомкнулись, а трубка выскользнула из руки. Ноги не выдержали душевного груза. Он опустился на колени, прижимая ладони к лицу. Глаза скрылись под кончиками пальцев с плохо смытыми следами крови. Комнату заполнил громкий плач, сопровождающийся криком отчаяния.

Звонили из больницы.

2. РОЖДЕНИЕ НА СВЕТ

Хозяин бара Мурильо помог с поисками врача, который не имеет ничего против лечения без страховки и способен хранить абсолютную секретность. Он как следует обработал и зашил раны. В течении месяца он приходил ежедневно, чтобы сделать укол. Это были антибиотики. Первую неделю Хорхе пришлось регулярно глотать анальгезирующие таблетки.

Массимо простился с тётей Барбарой. Помимо него на кладбище прибыли Пабло, Мурильо и адвокат Курт Миллер. Чуть с запозданием приехал отец Хорхе – Серхио Гомес. Он выразил глубокие соболезнования и сообщил Массимо о том, что он в любое время может обращаться к его семье за помощью.

Без каких-либо вопросов и обсуждений, Пабло самовольно потратил *большую* часть своей заначки на оплату услуг ритуального агентства ещё до того, как Массимо начал заморачиваться насчёт похорон. Помимо всего прочего, он заказал надгробие с красивой эпитафией.

Утрата оказалась намного сильнее, чем могли подумать окружающие. Массимо не выходил из квартиры больше трёх недель, а когда покинул её, то поводом послужило желание навестить могилу тёти. Затем очередные пара недель в замурованных стенах и абсолютном безмолвии. В представлении Массимо семья состояла из двух человек. Родителей он плохо помнил, а тётя Барбара заменила их и стала для него той самой семьёй. Теперь её не стало, а вместе с ней и семьи тоже. Едва Массимо исполнилось восемнадцать, как на следующий же день он остался один. Обескураживающие чувства не отпускали его ещё долго. Он ни на секунду не вспоминал о грабителе Серхио Гомеса, который вдобавок ранил Хорхе. Тот случай стал первым убийством для Массимо. Его руки теперь были в крови, но это ничуть не будоражило его совесть. Разум пребывал во власти совсем других мыслей.

Прошло три месяца с момента кончины тёти. Массимо изредка выходил из квартиры, и ещё реже – из дома. Если он покидал пределы дома, то его прогулка ограничивалась минутой ходьбы до ближайшего супермаркета, где его каждая очередная покупка была, мягко говоря, скромной. Кусок в горло не лез. Основную часть из того, что он съедал, приносил Пабло, когда приходил навещать. Ввиду этого, даже поход в магазин для Массимо являлся большой редкостью.

Теперь, когда вместе с Пабло в гости пришёл оправившийся от травмы Хорхе, Массимо чуть взбодрился. Ему было отрадно видеть такого Хорхе, который не хмурился от боли и был лишён дефектов в своей походке.

Им не пришлось долго его уговаривать. В голове Массимо что-то переключилось. Он сам захотел выйти и прогуляться по округе. Появление перед ним здорового Хорхе будто запустило кровь по жилам.

Первым делом они посетили кинотеатр. Там, в одном из залов, показывали вторую часть «Грязного Гарри», снятого тремя годами ранее. Но этот фильм срока давности не имеет. Его можно смотреть и через десять лет и сделать это в сотый раз. Клинт Иствуд был великолепен. Крутой, бесстрашный, бдительный; любого из-под земли достанет. Парни сидели в последнем ряду. Во время просмотра, между делом, Хорхе проронил, что было бы неплохо взять пример с этого парня. Если делать всё как Грязный Гарри, то покорятся любые вершины. А ещё Хорхе намекнул, что надо бы и им обзавестись таким же убийственным агрегатом. Магнум 44 калибра стрелял не менее мощно, чем выглядел со стороны.

Следующим пунктом после сеанса стал ближайший гастроном. Массимо жадно уничтожил две тарелки куриных котлет с картошкой во фритюре, три стакана кока-колы и двухсотграммовое шоколадное мороженное. Такой аппетит Пабло с Хорхе не удивил.

После сытного обеда вся тройка села на электричку, которая следовала в сторону побережья. Менее чем через час Массимо, Пабло и Хорхе сидели на скамейке на набережной. Погода стояла солнечная и ясная. Дул лёгкий ветерок. Вид открывался чарующий. Спокойные волны океана накрывали влажный песок, листья пальм слабо покачивались на ветру, толпы отдыхающих заполнили пляж. Кто-то жарил своё тело под солнцем, кто-то гонял мяч в шумной компании. Основная часть барахталась в океане. Шезлонги, полотенца, соломенные шляпы и напитки с пластиковыми трубочками были повсюду. За скамейками, на одной из которых сидели парни, часто маячили бегуны в солнцезащитных очках. Внимание Пабло привлекла пробегающая среди таких девица лет двадцати пяти.

– Смотри-смотри – в спешке подметил Пабло. – Вот это стандарты...

Он ещё долго поедал глазами бегунью, осматривая её оголённые части тела, которые скрывались под тонким слоем пота, покрытого привлекательными бликами дневного солнца, пока девушка не скрылась из виду.

Пабло развернулся и продолжил:

– Я услышал пару месяцев назад, что в нескольких километрах отсюда начали осваивать новый остров.

– И что? – спросил Массимо.

– А то, что осваивать его начали нудисты.

– А в этих местах есть нудисты? – удивился Хорхе.

– Вот и я о том же.

Пабло начал развивать мысль в неожиданном направлении:

– Короче. Один мужик владеет небольшой яхтой и занимается тем, что возит туристов по открытым водам. Так вот, он нашёл новую подработку. Каждые четверг и воскресенье он возит на этот остров клиентов, которые искали свободный пляж, чтобы позагорать нагишом. Со временем он и сам начал загорать в чём мать родила, чтобы, так сказать, приобщился к остальному миру. И теперь лодка остаётся без присмотра. Он просто бросает якорь и уходит вместе со всеми. Я видел эту яхту. У неё высокие борта, так что близко к берегу не подплывёт. А теперь самое интересное из того, что я узнал – эти извращены перед уходом оставляют на яхте все свои шмотки и ценности. Типа они уже долгое время занимаются этим, знают друг друга, все одна дружная компания и друг другу доверяют. Я бы пропустил эту историю мимо ушей, но целая толпа оставляет свои пожитки без присмотра. Они заваливаются на песок и не дёргаются до захода солнца.

– Продолжай – заинтригованно сказал Хорхе.

– Тут недалеко есть лодочная станция. У меня ещё прилично осталось от заначки. Можем взять в аренду одну быстроходную моторную лодку, я уточню, где находится этот остров, и сгоняем туда. Остров пустой. Ещё недавно он был необитаемый.

Массимо неожиданно вмешался:

– Нужны будут вёсла. Последние двести-триста метров рёв двигателя может спалить.

– Слушай, Массимо – сказал Пабло. – Вообще, я хотел, чтобы ты, ну, я не знаю, оставался на шухере, с хорошим обзором на второй лодке где-нибудь в стороне. На случай, вдруг если кто-то из нудистов дёрнется, ты бы подал сигнал. Я не хочу рисковать. У тебя же испытательный...

Массимо резко прервал его:

– Да плевать я хотел. Посмотри на него – указывая на Хорхе, который сидел между ними. – В прошлый раз ему повезло. Он бы мог сейчас не сидеть здесь. Вдвоём слишком рискованно. Где гарантия, что пока мы будем выносить, кто-нибудь не поднимется на борт и что ни у кого из них не окажется пистолета или ножа, как тогда? Если вдруг кому-нибудь среди нас достанется, вдвоём хотя бы будет проще тянуть раненного. И потом, мне уже надоело сидеть

без дела. Идти и гнуть спину за гроши я не стану. А я ничего толком не умею. И так всю жизнь провёл в нищете. Хватит.

Пабло с Хорхе задумались, долго не могли определиться, но в итоге всё-таки решили не противиться воле друга.

– У тебя есть какая-нибудь шмотка с капюшоном, кепка или что-то в этом роде? – спросил Пабло у Массимо.

– Нет.

– В принципе, не беда. Захватчу свою.

Они ударили по рукам.

Прошло четыре дня. В полдень уже стояла жаркая июльская погода – самая подходящая для того, чтобы нудисты отправились на закрытую вечеринку.

Массимо и Хорхе стояли около парковки перед кафе. На плече у Хорхе висел рюкзак с инвентарём для дела, который он по несколько раз перепроверил. В полусотне метров находился причал. Спустя час ожидания они заметили подплывающего на моторной лодке Пабло. Они прогулялись по причалу и в самом конце спустились в лодку. Внутри, как и планировалось, лежали два весла, которые Пабло арендовал у одного из рыбаков на лодочной станции. Он поставил двигатель на малый ход и вырулил в сторону от берега, огибая волнорез. Хорхе расстегнул молнию на рюкзаке, после чего достал серую кепку и солнцезащитные очки для Массимо. Оставшееся содержимое Хорхе вытряхнул под ноги, ухватившись за дно рюкзака. Среди содержимого были три перочинных ножа, пять рулонов пароизоляционного скотча, два полиэтиленовых мешка, бинокль, несколько полотенец, кое-какая одежда и три стрелянных гладкоствольных пистолета с заряженными магазинами: один двадцать пятого калибра и два – сорок пятого.

Лодка продолжала плыть очень медленно до тех пор, пока все трое не закончили обклеивать скотчем надписи на бортах, дабы в случае чего эту лодку никто не смог бы опознать. Пабло поддал газу. Через полчаса на горизонте показалась точка. Ещё через пять минут стала вырисовываться фигура острова с деревьями.

Вскоре Пабло замедлил ход. По просьбе Массимо он заглушил двигатель. Дальше они вдвоём принялись грести вёслами, постепенно обходя остров. Спустя пятнадцать минут показался обратный берег. Хорхе взял бинокль и начал осматривать берег. Метрах в ста от берега он рассмотрел пассажирскую яхту с надписью на борте «Питерсон». Лицо Хорхе исказилось. Его нижняя челюсть откинулась, когда он повернул бинокль чуть в сторону.

– Ну чё там? – спросил Массимо.

– О-О-О-О-О... Ни хрена себе.

– Да ну что там? – раздражённо повторил Пабло.

Хорхе ответил шокированным тоном:

– Столько задниц я ещё не видел. – Пара секунд промедления. – Правда и мерзости тоже хватает. Сука. Тут и старых хрычей полно. Ну они-то куда? Вот сука!

– Что-то не так? – поинтересовался Массимо.

Хорхе ответил в сдержанной манере, резко опустив бинокль:

– Сколько оголённых женских грудей, столько же и фаллосов. Я же после такого спать не смогу.

Перед его удалёнными зрачками предстали несколько десятков любителей экзотического загара.

– Дай сюда – сказал Массимо, вырывая бинокль.

Он осматривал пляж, параллельно описывая картину:

– Там небольшой причал, самодельный. Находится совсем с краю от пляжа. Яхта стоит там, с той стороны, которая ближе к пляжу. Можно подплыть с другой стороны и пришвар-

туемся с обратного края причала. Габариты яхты спокойно накроют нашу лодку. Никто нас не заметит.

– На палубе есть кто? – спросил Пабло.

– Никого не вижу. В случае чего, делаем как договаривались.

После недолгой паузы Массимо кинул бинокль в руки Хорхе и произнёс:

– Гребём.

Они с Пабло взялись за вёсла. Их лодка плыла вдоль берега так, чтобы обзор на отдыхающих перекрывала собой массивная яхта.

Минут за десять лодка уже подплыла вплотную к причалу. Хорхе остался на стрёме. Массимо и Пабло взяли по одному пистолету, полиэтиленовый пакет и нож. Работая веслом, Хорхе подвинул лодку чуть ближе к краю причала так, чтобы Массимо и Пабло смогли взобраться на поверхность, не опускаясь в воду.

– Эй-эй – шёпотом возмутился Пабло, обращаясь к Массимо. – Где кепка? Прикрой лицо. Забыл про условку?

– Не истери – парировал Массимо продолжая двигаться вперёд.

Пригнувшись, они начали взбираться по трапу. На палубе было тихо. Пабло бросился рыскать по вещам пассажиров, а Массимо прокрался в крытую кабину капитана. Там он наткнулся на сейф. Но надёжным хранилищем назвать его мог бы только ленивый. Сейф был сделан из алюминия, а замок один из самых дешёвых. В таких замках язычок просто вращался по кругу при повороте ключа. Не было никакой пружины или горизонтальной задвижки из прочной стали. Массимо просунул клинок ножа между дверцей и рамой, и начал краем лезвия бить по язычку замка сквозь щель. Со второй попытки механизм прогнулся под давлением. Внутри лежали документы на судно, записная книжка, какие-то фотографии. Это всё то, что не представляло никакой ценности. А из более весомых предметов Массимо обнаружил позолоченный портсигар, содержимое которого он высыпал на палубу, шкатулку с какими-то редкими монетами и другими вещичками со дна океана, и стопка купюр от дневной выручки. Прихватив с собой деньги, монеты и портсигар, Массимо отправился помогать Пабло.

Пабло работал оперативно. К тому моменту он уже накопил шесть золотых цепочек, восемь золотых и пять серебряных колец, четыре из которых имели драгоценные камни; ещё он достал семь наручных часов, три кулона, курительную трубку из слоновой кости с вырезанным рисунком, миниатюрное дамское зеркало в виде сердечка, восемь кошельков и около тысячи долларов, которые лежали в карманах без кошельков. С появлением Массимо объём награбленного значительно вырос. Ко всему были добавлены одиннадцать кошельков, полторы тысячи долларов из карманов, десять золотых цепочек, десять колец, четыре кулона, девять наручных часов, жемчужное ожерелье, браслет из аквамарина, три пары серёжек, чётки, перьевая ручка и последний выпуск «плейбоя».

Осматривая объём награбленного, Пабло вдруг подумал:

Сколько же извращенцев приплывает сюда, чтобы погреть на солнце свои гениталии!?

Они в спешке закидывали всё в полиэтиленовый мешок без разбора, а когда всё собрали, принялись завязывать мешок в самой нижней точке над содержимым. После того как был завязан узел, мешок вывернули наизнанку, как бы помещая содержимое во второй слой мешка. Закончив с первым полиэтиленом, они поместили его во второй, точно такой же, стараясь оставить внутри побольше воздуха.

Пока Массимо торопливо затягивал второй узел, позади раздался женский голос:

– Пабло?

Охваченные внезапным порывом страха, они оглянулись. Позади стояла обнажённая светловолосая девушка лет восемнадцати. Её ноги скрывались под толщей мокрого песка. Она стояла, не двигаясь, с выпученными глазами. Когда её зрачки неловко наткнулись на пистолет, лежавший около грабителей, её тело будто предалось в объятия тотального паралича. Шелест

пластикового пакета оборвался. На палубе наступила гробовая тишина. Подбородок девушки дрожал. Колени затряслись. Спустя несколько томительных секунд она едва сдвинула правую ступню на считанные сантиметры назад, начиная пятиться.

Руки Пабло оставили мешок и рефлекторно потянулись за пистолетом. В эти мгновения девушка резко оборачивалась в направлении трапа. Дуло пистолета уже смотрело ей вслед, но спусковой крючок отказывался сдвигаться с места, позволяя девушке совершить лишние несколько шагов. Большим пальцем Пабло убрал пистолет с предохранителя. Затвор избавился от препятствия на своём пути и оружие перестало быть безопасным.

Девушка начала бежать к трапу, оставляя за собой следы осыпавшегося песка. Вскоре свинец пронзил кожу на её спине. Кровь заполнил дикий холод, исходивший от сорок пятого калибра.

БАХ!!! БАХ!!!

Два багровых отверстия на золотом загаре.

Её тело рухнуло на живот.

После двух оглушительных хлопков Массимо испуганно сжал плечи и отклонился от двух вспышек, следовавших друг за другом. Пабло подбежал к обездвиженному телу девушки. Его хладнокровный взгляд направился через прицел к затылку. Очередной выстрел. Раздался звонкий шум падающей гильзы.

С пляжа стали доноситься крики. Началась шумиха.

Массимо подобрал пистолет и мешок с недоделанным последним узлом, в котором уже не было острой необходимости.

Где-то за бортом послышался рёв заведённого двигателя. Хорхе взглядом выискивал друзей на краю палубы. Через секунду показался Массимо. Он сбросил мешок с награбленным. Полиэтилен плюхнулся в воду, раскачиваясь на её поверхности. Хорхе подплыл поближе и закинул мешок в лодку.

– Прыгаем! – в сдержанном полукрике сказал Массимо.

Они с Пабло подбежали к краю палубы, прошли на несколько метров дальше того места, где находилась лодка. Крепко держась за рукояти пистолетов, они прыгнули.

Крики пассажиров яхты становились громче. Были слышны отдельные слова. Кажется, это были мужские голоса. Кто-то набрался смелости подбежать к судну, пригнув голову.

Хорхе подплыл к месту, куда нырнули Массимо с Пабло. Они всплыли в нескольких метрах от лодки, глубоко вдыхая через широко разжатые челюсти. Хорхе дал слабый ход, подплывая как можно ближе. Массимо проплыл пару метров, закинул в лодку пистолет, а затем вытянул руки и схватился за край борта. Он изо всех сил оттолкнулся и перевалился через борт. Тем временем Пабло крепко держался обеими руками за весло, которое протянул ему Хорхе. Едва Пабло погрузил своё туловище в лодку, Хорхе надавил на рычаг до конца, мотор взревел и лодка рванула полным ходом прочь от берега.

Когда пульс немного нормализовался, Массимо бросился расспрашивать Пабло о том, откуда девушка знает его имя. Всё обстояло проще некуда. Убитая девушка оказалась той самой, кто рассказал Пабло об этих еженедельных круизах на пляж с секретом. Она спала с ним долгие два месяца. В постели она становилась очень сговорчивой. И даже слишком. Она выдала ему всё. Она поведала обо всех подробностях, вплоть до таких мелочей, которые касались места, где оставляют вещи, кто состоит в этом клубе, кому и сколько лет, время прибытия и отплытия.

– А ты чего ждал!? – кричал Массимо, обращаясь к Хорхе. – Почему ты пустил её на яхту!?

– Я сначала пригнулся, чтобы она меня не заметила, а когда она поднялась по трапу, мне пришлось грести до причала, потому что лодку чуть отнесло. Мне нужно было время и... Простите парни.

Массимо тут же махнул рукой, призывая Хорхе прекращать свои оправдания.

По пути они сняли с себя мокрую одежду, достали полотенца, вытерлись и облачились в сухое. Они разорвали мешки и пересыпали награбленное в ранец, а следом закинули пистолеты, скотч, ножи и всё остальное. Тем временем Хорхе отдирает с бортов пароизоляционный скотч, оставляя его лежать внутри.

Лодка остановилась у берега в паре километров от лодочной станции. Массимо с Хорхе закатали свои джинсы до колен, взяли на руки обувь, ранец, порванные мешки с обмотанными вокруг кусками скотча и сошли на пустыре.

Пабло завёл двигатель и помчал возвращать катер на лодочную станцию.

Массимо с Хорхе высушили ноги, после чего обулись. Они тщательно собрали использованный скотч в один комок, который обмотали изорванными мешками. Массимо закинул на плечи ранец, Хорхе взял скомканные мешки, и оба не спеша потопали в направлении железнодорожных путей.

Менее чем через час они встретились с Пабло на железнодорожной станции. Полиэтилен со скотчем внутри Хорхе выкинул в мусорные баки в полуквартале от станции. Они дождались ближайшей электрички и на ней вернулись в Маленький Рим.

На выходных Хорхе одолжил у отца автомобиль. На нём они отправились в другой конец города. Там они отыскивали один из ломбардов и заложили половину ювелирных изделий. Вторая часть была заложена в другой ломбард, находившийся в соседнем городе. Всё остальное – часы, ожерелье, курительная трубка и прочее добро отправилось в руки торгашей, которые барыжили на чёрном рынке.

Общий выхлоп от дела составил свыше пятидесяти тысяч долларов.

Массимо купил новый телевизор и холодильник, приобрёл магнитофон, освежил мебель и сделал небольшой косметический ремонт. Он нанял рабочих, которые сменили паркет и плитку в ванной, а также обновили сантехнику, покрасили стены, поставили повсюду новые межкомнатные и входные двери. Теперь квартира выглядела вполне респектабельно.

Хорхе перестал просить автомобиль у отца, потому что теперь у него был свой серебристый «форд» 1967 года выпуска. Теперь он передвигался на колёсах ежедневно, а не только по выходным.

А Пабло... про Пабло не было ничего слышно около недели. После внезапного явления народу он объяснил своё отсутствие затяжным пребыванием в квартире какой-то итальянки, которая живёт через пару кварталов.

По прошествии двух месяцев у каждого в остатке имелась ещё порядочная сумма, чтобы ни о чём не беспокоиться. Но Массимо беспокоился. Ему было невыносимо сидеть на месте. Когда они ещё только разрабатывали план ограбления, его мозг уже был очищен от гнетущих мыслей. Его это завлекало. Прошло немного времени с момента ограбления на яхте и страсти улеглись. Хандра стала возвращаться. Ему было необходимо заняться чем-нибудь ещё. Любая авантюра могла бы вывести его из этого состояния. Какой-нибудь поход за данью – вот лучшая и единственно приемлемая для Массимо терапия.

Стоял поздний вечер. Массимо прогуливался по улице. Его голову не покидали мысли о тёте Барбаре. Ему нужно было срочно с кем-нибудь поболтать. Он зашёл в бар «Красного бокал». На подходе к барной стойке его поприветствовал хозяин.

– Кто пожаловал? – восторженно произнёс Мурильо. На нём хорошо сидела чёрная рубашка и, как обычно, рукава были закатаны до локтей. Пара расстёгнутых на конце пуговиц обнажали толстую золотую цепь, на которой висел крест с изображением распятого Иисуса Христа. – Давно тебя не видно. Как оно?

Массимо сел на стул перед барной стойкой, вяло махнул ладонью и сказал:

– Тухло. На днях, вроде как, чуть полегчало. А сейчас опять на душе погано.

– Знаешь, это нормально. Не нужно думать, что на тебя это плохо влияет или так не должно быть. Такое происходит со многими. Знаю, она была единственным близким человеком. Но поверь, таких как ты по всему миру не сосчитаешь. Так что просто наберись терпения. Время всё излечит.

Через несколько секунд Мурильо поставил перед ним стакан с водой.

– Вот. Выпей.

Массимо обхватил пальцами стакан, но дальше дело не пошло. Он смотрел в дно стакана сквозь воду, представляя, как его приземлило на такое же жизненное дно.

– Сука. Как же мне хреново – горько дрожащим голосом пробормотал Массимо себе под нос.

Мурильо положил свою широченную ладонь на плечо Массимо и заботливо произнёс:

– Ничего. Поверь. Через время отпустит.

– Смотря сколько времени. Я поседею, пока мне на помощь придёт склероз.

– У меня племянница работает в парикмахерской. Хочешь, договорюсь? Она тебя быстро перекрасит в хрыча. Будешь старый как плесень. Ждать седины не придётся.

Старания Мурильо в этот момент оказались напрасны. Массимо не отреагировал на такую шутку. Тогда Мурильо добавил:

– Ну или могу попросить, чтоб тебе кто-нибудь на нервы покапал. Говорят, от нервов можно быстро состариться.

Лицо Массимо оставалось каменным. Лишь глаза несколько раз тронулись с места.

Мурильо сдался. Он опустил глаза и вернулся к протиранию бокалов.

Массимо продолжал сидеть за прилавком в окружении десятков посетителей. Его правая ладонь легла на лоб, а спустя некоторое время затряслась. Из-под руки, через раскрытые губы, было заметно, как он стиснул зубы.

– Эй? Массимо? – осторожно проронил Мурильо. Он аккуратно убрал его ладонь от лица. По левой щеке Массимо медленно опускалась слеза.

Мурильо чуть повысил голос:

– Слушай, друг! Может хватит разыгрывать драму. Да, мы все не бездушные машины. Все мы люди. Все страдают, испытывают боль, теряют близких. Но ты мужик в конце концов или кто!?

От таких слов Массимо прикрыл лицо обеими руками. Его плечи тряслись ещё сильнее.

В растерянности, Мурильо вновь положил руку ему на плечо.

– Извини. Я не это хотел...

Кубинец оборвал свою фразу, не понимая, как её продолжить.

– Просто наберись терпения. Вот увидишь. Хандра отпустит.

Массимо оторвал руки от лица и без промедлений сказал:

– Может плеснёшь чего-нибудь? Думаю, ром или коньяк точно отпустит.

– О-о-о-о-о... – произнёс Мурильо, убирая с барной стойки свои широченные волосатые руки. – А вот с этим надо быть осторожнее.

– А что не так?

– Ты ещё слишком молод. В твои годы пить в таком состоянии опасно. Тебе станет легче. Но как только чуть протрезвеешь, рука снова потянется к выпивке. Ты слишком расстроен. Так ты не почувствуешь границ, а норму надо знать. Так что тормози.

– Мурильо... – голос Массимо всё ещё дрожал – ...пожалуйста. Мне так хреново. Я больше не могу.

Мурильо озадаченно посмотрел на паренька. Он не хотел, чтобы парнишка пил с горя. Но и смотреть на него такого ему было больно. Кубинец прикрыл веки, будто изо всех сил старался сдержать себя от чего-то дурного. Когда глаза открылись, он направил взор под барную

стойку и долго куда-то смотрел. Его протяжённый взгляд вскоре прервался, он опустил руку под стойку и достал оттуда полупустую, едва прозрачную бутылку.

– А покрепче ничего? Я заплачу – вяло сказал Массимо.

Голос Мурильо звучал твёрдо и настойчиво:

– Нет. Для твоего случая это самое безобидное. Оно не такое крепкое, чтобы бить по мозгам, но депрессию побороть вполне способно.

Мурильо поставил перед Массимо чистый натёртый до блеска бокал. Раздался звук отошедшей от горловины пробки. Бармен наклонил бутылку, почти прислоняя горловину к краешку бокала на ножке. Стенки бокала обволакивал багровый ручей вина. Напор красного изящно возвышал границы содержимого, приближая его к краям бокала. Когда сосуд был почти полон, Мурильо заткнул пробкой горловину и вернул бутылку на прежнее место.

Пальцы Массимо охотно обхватили верхнюю часть бокала и поднесли его к губам. Без остановки он вливал в себя содержимое. Одним сплошным залпом сосуд был опорожнён. Ножка бокала соприкоснулась с барной стойкой. По стенкам стекались остатки вина, образуя на дне скопление нескольких багровых капель. Только теперь, когда Массимо оторвал бокал от губ, рецепторы на его языке оценили качество проскользнувшего мимо напора. Это был вкус настоящего вина... и чего-то ещё. Это не простое вино. Мурильо на этот счёт ничего не говорил, а Массимо этот вопрос не интересовал в должной мере, чтобы спросить. Ему показалось, что скорее всего это вино, разбодяженное каким-то другим напитком, но в малом объёме, чтобы сохранить свой изначальный вкус. Отсюда и странное послевкусие.

Мурильо подобрал бокал и сказал:

– Ты не уходи. Я сейчас приду.

Бармен удалился в подсобное помещение. За время его отсутствия Массимо не раз хотелось выпить ещё, но это желание как-то подозрительно становилось всё слабее. С каждой секундой тяга к выпивке угасала. Не то чтобы ему не хотелось пить вовсе, но он перестал видеть в алкоголе способ выбить из головы плохие мысли. Если он и хотел сделать глоток-другой, то это желание было не сильнее, чем в любой из дней, независимо от настроения.

Мурильо вернулся.

Массимо задал вопрос:

– А где твой повар? Что-то его не слышно.

Мурильо отвечал, долгое время удерживая взгляд на лице паренька, будто он пытался что-то разглядеть:

– Его отец захворал. Отправился на родину повидать старика.

– Так у тебя сейчас без кухни?

– Да нет. Кухня работает. Он перед тем, как уехать, нашёл человека, чтобы тот подменил его на время.

– Да? И как стряпает?

– Ну, как минимум, свой вкус еда не потеряла.

Глубоко вздыхая, Массимо сказал спокойным голосом:

– Ну это уже отлично.

Такая форма ответа Мурильо устраивала, но его лицо при этом оставалось беззаботным.

– А я вижу у тебя новая официантка появилась.

Мурильо внёс небольшую поправку:

– Точнее вторая. Карла попросила отпустить её пораньше. Клиентов стало слишком много. Одной тяжело.

Массимо на некоторое время умолк. По его нахмуренным бровям было понятно, что он о чём-то сильно задумался. Вскоре его размышления прервались собственным голосом:

– Слушай, давно хотел спросить, но всё забываю. А у тебя на Кубе никого не осталось из близких?

Мурильо отрицательно покачал.

– В пятьдесят пятом мы с братом похоронили отца, а за два года до этого – мать. Больше в Гаване у нас никого не было. Мы иммигрировали сюда и поселились в этом районе. Уже здесь брат женился в первый же год. Сразу через девять месяцев родилась племянница. Ещё через год – вторая племянница. Вот, собственно, и все родные, кто у меня есть. Правда есть ещё один. В детстве помогал мне в баре, а я ему за это то лимонад налью, то хот-догом угощу.

С ухмылкой Массимо добавил:

– То винца плеснёшь.

Они оба вскользь улыбнулись.

Мурильо продолжал поддерживать беседу, параллельно обслуживая клиентов за барной стойкой. Разговор растянулся почти на час, после чего Массимо решил уходить. На вопрос о том, сколько он должен за вино, Мурильо в вежливой форме попросил его отправиться за ответом к чёрту. В ответ Массимо ещё раз поблагодарил кубинца и ушёл домой.

Поднимаясь по лестнице, Массимо прошёл мимо своего этажа и отправился на крышу. Там он присел на окраине выступа. Его ноги повисли в воздухе, а глаза бросились осматривать просторы Маленького Рима под покровом ночи. Где-то, из-за жилых многоэтажек, можно было рассмотреть некоторые объекты за пределами Маленького Рима. Например, высотную телебашню, последние несколько этажей отеля «Эдем», светящиеся разноцветные пики подвесного моста. С востока часто просматривались огни взлетающих и совершающих посадку в городском аэропорту самолётов. На западной стороне, вдалеке сверкали лучи прожекторов на стадионе, где давали концерт мировые звёзды «Диско». Проводя здесь время, Массимо представлял, как где-то за пределами Маленького Рима жизнь бурлит и толпы людей мечутся с места на место. Его гипнотический взор будто осматривал чужую планету, на которой всё устроено совсем иначе. Каждый куда-то торопится. Каждому есть куда торопится. Насыщенные будни среднего класса, в который никак не вписываются жители Маленького Рима. Да. Это была чужая планета, и она находилась так далеко.

Массимо завораживали виды, открывающиеся с крыши. Он облокотился рукой о край карниза. Вдруг он испытал странное ощущение. Что-то под рукой хрустнуло. Он оторвал руку от железобетонного покрытия и осмотрел странный предмет, который попал под руку. Это были осколки битого стекла, скорее всего из-под бутылки газировки или пива. Массимо обратил внимание, что его ладонь кровоточит. Он рассмотрел порезы в нескольких местах. И всё же чувство было очень странное. Он ощущал, что по коже растекается его собственная жидкость, но он не испытывал особой боли. Это скорее походило на лёгкое покалывание, как если бы вошла заноза в пяти-шести местах.

Мурильо? – подумал Массимо.

Он догадывался, что это как-то связано с тем бокалом вина, которое налил ему Мурильо в баре.

Из любопытства Массимо решил сдвинуть раны, чтобы усилить болевые ощущения. Но никакого усиления болевых ощущений не произошло. Организм Массимо словно забил на открытую рану и отказывался задействовать защитные механизмы по максимуму.

На какое-то время он отвлёкся и продолжил осматривать огни ночного города. Он подумал, что было бы неплохо сейчас иметь под рукой что-нибудь прохладительное или чашечку кофе, пусть даже горячего. Ему хотелось посидеть на крыше в атмосфере, которая хотя бы немного напоминала бы то, как это показывают в кино. Его разум вдруг начал рождать яркие картины. Он представлял, как с удовольствием сел бы за руль бежевого «кадиллака» с откидным верхом, прокатился бы мимо набережной, осматривая прибой волн океана и ясный восход луны. А ещё он во всех красках представил, как сидит в ресторане за столиком, который заказал заранее. Он видел, как официант предлагает ему меню для ознакомления, а метрдотель подходит и интересуется, всё ли его устраивает или может он желает чего-то ещё.

Реально ли это?

Всё это происходит с кем-то в эти самые минуты и в том же самом городе, пока он сидит и смиренно наблюдает за всем происходящим со стороны. Так что ДА! Это ОХРЕНЕТЬ как реально! Нужно всего лишь...

Массимо отправился к себе. Он достал из гарнитура на кухне пузырёк спирта и клочок ваты. После того как рана была продезинфицирована, Массимо обмотал кисть руки бинтом. Под конец он долго мучился, пытаясь завязать на бант, но терпения не хватило и он сделал небрежный тугой узелок.

Комнату заполнил громкий, раздражающий звук. Затрезвонил телефон. Пабло включил светильник на тумбе около кровати и посмотрел на часы. Стрелки показывали без двадцати полночь. Он поднял трубку и бьющий по мозгам звон оборвался. На другом конце провода послышался мужской голос:

– Привет. Это Массимо.

Через секунду ещё непроснувшийся мозг Пабло рождал невнятный ответ:

– А... привет.

– Разбудил?

Полуоткрытые глаза Пабло в очередной раз встретились со стрелками на часах.

– Да ничего. Я весь твой.

– Слушай, у меня к тебе разговор.

– Да-да. Говори. Я слушаю.

В трубке затянулось безмолвие, которое сменяло лишь прерывистое потрескивание в трубке. Через несколько секунд Массимо продолжил:

– А мы можем пообщаться у тебя?

– Сейчас?

– Да. Хорхе оставил машину у моего дома. Ключи тоже у меня. Сказал, он там куда-то с родителями уезжает. До конца месяца их не будет. Так что могу зарулить к тебе прямо сейчас.

Без промедлений Пабло ответил:

– По рукам.

– Тогда давай. Буду через пять минут.

Массимо повесил трубку и вышел из кабинки таксофона, что стояла через дорогу от дома. Он и не задумывался о том, чтобы позвонить из дома. Почему-то его всё время тянет на улицу. Даже такая мелочь как звонок другу заставляет его сделать выбор в пользу уличного телефона, лишь бы появился повод выйти из дома.

Он сел за руль и, словно по часикам, стоял у дверей съёмной квартиры Пабло через пять минут. Они разместились на кухне. Ввиду того, насколько оживлённо Массимо заводил разговор, а также того, что являлось предметом обсуждения, Пабло решил, что сон подождёт и сварил им по чашке кофе.

Гущи на дне чашки почти загустели. Пабло окончательно проснулся и уже целиком затянулся в процесс:

– При таком раскладе нужно открутить номера. Тогда нас хрен кто найдёт. Таких «фордов» по всему городу пруд пруди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.